

Смерть
приходит тиха,
бестелесна,
у себя на уме.
Грустных слов чепуха
неуместна,
как холодное платье -
к зиме.
 Булат Окуджава.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

ПРОЩАНИЕ

«Ах, были бы помыслы чисты, а остальное все приложится...»

Штрихи к портрету великого поэта

«Голубой зал» «Комсомольской правды». Год примерно 1960-й. Пригласили какого-то Окуджаву выступать. Пришел высокий, очень худой, молодой еще, лысеющий мужик в ковбойке и с гитарой. Народу собралось много, слушали внимательно. С каждой песней лица наших журналистов становились все более растерянными: никто ничего подобного не слышал и не знал, а как на это реагировать, не могли понять, нравятся эти песни или нет. «...А шарик вернулся, а он голубой...» Как так?! Ну, вернулся шарик, а при чем тут, что он голубой? После выступления Окуджава увидел задумчивого Васю Пескова. «Ну как?» - «Даже не знаю, что сказать... Но песня «По смоленской дороге...» замечательная!»

До того как песни Булата начали восхвалять, они удивляли. Только самые прозорливые понимали тогда, что присутствуют при рождении городского романа второй половины XX века, и роман этот не может быть на что-то похожим, как не похожа эта половина на все другие времена. Пройдет совсем немного лет, и критики будут писать о том, что «представить себе русскую поэзию второй половины XX века без интонаций Окуджавы уже невозможно».

В марте 1964 года в Ленинграде проходили Дни журнала «Юность». Туда отправилась большая группа авторов: Белла Ахмадулина, Вася Аксенов, Борис Слуцкий, Марк Розовский, Аркадий Арканов, Гриша Горин. Я тоже был автором, и меня тоже пригласили. В Ленинграде к нашей веселой и плохо управляемой компании присоединились питерский прозаик Борис Никольский и Булат Окуджава, который тоже жил тогда в Ленинграде. Там мы и познакомились и как-то быстро сошлись. Булат был тогда на гребне славы: из всех окон звучали его песни. Могу ругаться: если у человека был магнитофон, у него обязательно были записи Окуджавы, они размножались, как нейтроны в атомном реакторе. Между тем Булат и его жена Оля где-то на ленинградской окраине жили тогда если не бедно, то очень трудно. Булат рассказывал, что у него есть огород и он сажает картошку. Выглядел он неважно: черный свитер, черные брюки с пузырями на коленях.

Опальным, как, скажем, Бродского, Булата назвать, пожалуй, нельзя. Применительно к Окуджаве применялась несколько другая тактика. Его или публично поносили, страстно доказывая, что человек этот бездарен (две разгромные статьи были опубликованы в «КП»), или замалчивали, делали вид, что он вообще не существует. То печатали, то не печатали, то выпускали за границу, то не выпускали. Придирчиво, с красным карандашом в руке, читали его статьи и интервью. Когда однажды он сказал, что в XIX веке хотел бы быть богатым помещиком, ему запретили зарубежные поездки.

Союз писателей, что бы ни говорили его сегодняшние вожди на похоронах, Булата Окуджаву не любил. Всегда не любил. Самая первая его повесть «Будь здоров, школяр» была опубликована в альманахе «Тарусские странички», который тут же арестовали. Булату досталось больше других: его объявили папифистом и антипатриотом, а придворный писатель Леонид Соболев говорил, что Окуджава опаснее других именно потому, что талантливее. (Стати, был абсолютно прав!). О тарусской истории Булат рассказывал мне в ав-

тобусе, по дороге в очередной Дворец культуры.

Каждый вечер мы выступали. И в тот мартовский вечер в ленинградском концертном зале Булат тоже пел песни, а во время антракта мы с ним гуляли в фойе. И что нам не сиделось за кулисами, не помню, но, точно, зачем-то мы вышли в фойе. И тут на Булата налетела стая девочек с горящими глазами.

- Как вам не стыдно петь такую гадость! Вы же развращаете нашу молодежь!

Для меня было самым удивительным, что он своим тихим голосом стал доказывать этим девочкам, что у него и в мыслях нет развращать молодежь. Девочки нагтели, становились все агрессивнее, я боялся, что они его ударят, и силком утащил за кулисы...

Комсомольские вожди, кстати, понимали, что даже слабые попытки каких-либо репрессий в отношении к Окуджаве лишь повысят его популярность, но и они его тоже не любили. Чувствовали его внутреннюю независимость, свободу, а следовательно, невозможность им управлять, и уже поэтому любить не могли. Кто знает, может быть, эти девочки в концертном зале были подосланы из горкома ВЛКСМ? В то время и такое могло быть. Согласитесь, как-то трудно себе представить, что даже самые замороченные могли считать Булата «развратителем молодежи».

Окуджава считал, что популярность его песен объясняется тем, что они были востребованы временем, «хрущевской оттепелью», годами подьема «шестидесятников».

- Если бы я написал эти песни сегодня, - говорил он мне зимой 1995-1996 года, - вряд ли они имели бы такой успех.

Я тогда не соглашаюсь и сейчас не соглашусь. Песни оказались долгожителями. Современниками Окуджавы были такие

сам, песен его никто не пел. Господи, сколько сегодня звезд на нашем песенном небосклоне и как удручающе они похожи друг на друга! У Булата был необыкновенный голос. Даже когда его песни пели замечательные артисты (как случилось, например, в фильме «Белорусский вокзал»), все равно получалось не то. Чтобы узнать Окуджаву, его не надо было видеть, достаточно было слышать. Как Эдит Пиаф.

Центральный Дом литераторов. Я веду устный журнал. В программе Окуджава, и я чувствую, что зал жлет его.

- Сейчас будет выступать всеми нами любимый человек...

В зале сразу какой-то ветерок пробежал, какой-то сдержанный шепоток.

- ...Я уверен, что все мы будем гордиться тем, что были его современниками...

Аплодисменты!

- ...Булат Окуджава!

Шквал аплодисментов!!

Да, я считаю, что сегодня этим можно гордиться...

Роман «Путешествие дилетантов» Булат писал в 70-х годах в Дубултах, под Ригой. Мы с ним там гуляли, купались, но он никогда о романе не рассказывал. Потом, когда вышел роман «Свидание с Бонапартом», историки стали клеветать Окуджаву за... За что вы думаете? За неточности, допущенные в описании различных деталей военной формы офицеров первой половины XIX века! Я читал эти рецензии и не знал, что делать: плакать или хохотать. Булат предпочитал хохотать. Впрочем, нет. Хохочущим я его не помню, но он замечательно всегда улыбался. А глаза смеялись...

Журнал «Наука и жизнь» опубликовал картинку, на которой был изображен гусар (а может быть, драгун или улан, не помню) и стрелочками помечены все, даже самые мелкие, детали его военной формы. Отнес

Лельке подарил книжку своих стихов и настоящий бронзовый колокольчик. Надо, чтобы моя дочь передала его своим детям и дальше... Из поколения в поколение.

Особенно часто мы встречались с Булатом в последние его зимы в Переделкине. Он жил один. Оля - жена его - не мешала ему работать, приезжала, помогала по хозяйству, готовила разную еду и уезжала. А работал он много, все дни напролет, писал «Упраздненный театр» - свою автобиографическую книгу. Вечером он смотрел телевизор. Рассказывал мне, что у него на даче живет мышонок, который вечерами вылезает из норки и вместе с ним смотрит телевизор. У меня впечатление, что Булат вообще любил смотреть телевизор, даже «мыльными операми» иногда не брезговал, но при этом говорил, имея в виду прежде всего телевидение, что культура наша находится «на ресторанным уровне».

Когда я приходил, мы иногда немного выпивали и беседовали «за жизнь». Помню, мы говорили о его книге, он никак не мог решить, стоит ли ему продолжать ее, «ведь самое главное я написал», говорил он, имея в виду главы, посвященные его родителям - ортодоксальным коммунистам.

А однажды, помню, сидели у меня, опять говорили «за жизнь», и писатель Лев Разгон сказал, что нынешние партюкраты очень похожи на партюкратов 30-х годов. И я помню, как мы с Булатом спорили с ним, доказывая, что нынешние много страшнее, потому что те, из 30-х, были фанатиками, они ВЕРИЛИ (не важно, во что!), а нынешние ни во что уже не верят...

Булат никогда не был диссидентом, его называли «диссидентствующим» даже не за то, что он подписывал разные письма, а за состояние полной независимости, в котором он жил. Очень многим (и мне) этого не хватало, именно поэтому люди тянулись к нему и чисто завидовали этой внутренней раскрепощенности, духовной свободе Булата. Сам же он считал, что демократия основывается не на свободе, а на уважении. На уважении к человеку, к его взглядам, к его пониманию жизни, к его системе мышления.

Я не сказал бы, что Окуджава был человеком открытым, склонным к исповеди. Но он был неизменно приветлив и любил сам процесс человеческого общения. При этом он, пожалуй, больше любил слушать, чем говорить. Среди слушателей это качество встречается крайне редко. Булат говорил, что друзей у него немного, и к литературе они отношения не имеют. Но в то же время очень многим писателям и поэтам (и не только писателям и поэтам) он посвящал свои стихи: Ахмадулиной и Евтушенко, Паустовскому и Трифонову, Домбровскому и Давыдову, Искандеру и Войновичу, Рассадину и Корякину. Ведь если бы он не любил и не уважал этих людей, он не дарил бы им своих стихов, ведь так же получается.

И его любили очень многие люди, очень многие, это точно... На новый 1996 год я напечатал в «Комсомольской правде» интервью с Булатом и попросил его от руки написать нашим читателям новогоднее пожелание. Он написал: «Самое главное при любых обстоятельствах сохранять человеческое достоинство. С новым годом! Булат Окуджава».

Придворные писатели говорили, что Окуджава опаснее других именно потому, что талантливее. И были абсолютно правы!

талантливые люди, как Высоцкий, Городничский, Ким, Визбор, Градский, Гребенщиков, и все-таки они не смогли сдвинуть Окуджаву на обочину (да и никогда не стремились!), более того, многие талантливые барды признавали его первым мастером, считали старейшиной песенного племени. Иначе и быть не могло, потому что нелепо противопоставлять, скажем, Окуджаву и Высоцкого. Памятники заслужили оба. Они не мешали друг другу и мешать не могли, потому что каждый был ЛИЧНОСТЬЮ. Сам Окуджава по этому поводу написал стихи, замечательные по дружелюбию и благородству:

Мой брат по перьям и бумаге, одной мы связаны судьбой. Зачем соперничать в отваге? Мы не соперники с тобой.

Мы оба к сей земле пристрастны, к ней наши помыслы спешат, а кто из нас с тобой прекрасней, пусть Бог и Время разрешат.

Булат никому никогда не завидовал, понимал: у каждого свои слушатели и свой голос. Кстати, а ведь лучше, чем он

эту картинку Булату. Он очень обрадовался:

- Вот спасибо! Интересно, что им теперь не понравится...

Одну из книг прозы он назвал «Заезжий музыкант». Так называется стихотворение, которое он посвятил жене Ольге. На обложке книги - ее портрет, а в предисловии Булат пишет: «Я действительно «заезжий». Как приехал в этот мир, так и уеду из него, словно побывал в командировке»...

Булат собирал колокольчики, сам покупал и дарил кому. Моя восьмилетняя дочка Леля пришла в восторг при виде этой коллекции. На новогоднем празднике она получила гостиницу в виде довольно большого красного, весьма безобразного, пластмассового колокольчика, в который были насыпаны конфеты. Конфеты она съела и сразу сказала:

- Надо подарить колокольчик дяде Булату!

Пошли дарить. Булат был расстроган и сразу определил это беззвучное пластмассовое безобразие в свою коллекцию. А